

2017
Verlag «STELLA»
Deutschland

Посвящаю эту книгу
Валентине Александровне Лебедьковой

УДК 821.161.1-1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-
5я44
Ц29

Ц29 Эвелина Цегельник. Чувство Родины: Рассказы для детей/
Фотохудожник Артём Малышкин.
Фотомодели — Мирослава и Милан Малышкины; Ангелина Будная. Издательство «STELLA», Германия, 2017. — 122 с.

Я – Эвелина Цегельник. Детский писатель. Мои маленькие читатели уже успели познакомиться с историями мытарств несчастного Вани, героя книги «Улыбаясь уголками рта», которые обрушиваются на него так же неотвратимо, как с 50-метровой высоты падают вниз воды Ниагарского водопада. Но не будь Ваня таким, какой он есть, не было бы и повода для нашей с Вами встречи. Наверное, для большинства из тех, кто читает эти строки, наш герой стал другом, и истории про него читались весело, легко и беззаботно. Что ж, от этого новая встреча с Ваней и его друзьями нисколько не потускнет. Напротив, её краски станут ещё более яркими, потому что это краски новых встреч. А я с нетерпением буду ждать новой встречи с вами.

9 783957 720924

© Цегельник Эвелина, текст, 2017
© Цветков Виталий, дизайн обложки, 2017
© Малышкин Артём, фотоссесия, 2017
© Малышкин Милан, фотомодель, 2017
© Будная Ангелина, фотомодель, 2017
© Малышкина Мирослава, фотомодель, 2017

ISBN 9783957720924

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, использование фото из книги, включая размещение в сети Интернет, возможно только с письменного разрешения правообладателя.

2017: Verlag «STELLA», Deutschland

Эвелина Цегельник

Чувство Родины

Есть на Земле самое солнечное место.
Называется оно ДЕТСТВО.
Другого такого интересного места век не сыскать. Ох какое там стоит пекло!
С пылу с жару совершаются открытия и случаются приключения.
Вот бы остаться здесь насовсем!

Гвоздь

Недалеко от детской дачи протекала речушка. Разливалась широко она обычно весной и даже в начале лета. А к середине июля постепенно мелела и успокаивалась. Поэтому Гришка, старший сын тёти Кати, местной поварихи, очень торопился. Был уже конец июня, и плавание могло сорваться в любой момент. Тем более что речка как-то стала всё больше задумываться и мелеть.

Гриша строил плот. Да не какой-нибудь, а самый настоящий. Из всамделешних брёвен. Их-то они и таскали всё прошлое воскресенье вместе с Яшкой. Из заводи. К себе, под кусты.

Григорий был крепкий коренастый мальчуган с умными упрямыми глазами, сверкающими из-под чёрных смоляных кудряшек. И хоть ему было двенадцать лет, но жил он на детской даче на полных правах законного тёти Катиного помощника.

Яшка же, напротив, был щуплым и белобрысым. К тому же у него напрочь отсутствовали два передних зуба, потерянные во время полёта с высоких качелей. Яшка тогда сильно врезался подбородком в спинку чугунной скамьи. И теперь вот говорил шепеляво, смешно подкатывая верхнюю губу.

Ко всему прочему Яше сильно не везло с волосами. Они у него вечно завёртывались в какие-то непослушные, упрямые сооружения-вихры, причём в самых неожиданных местах: не где-нибудь там сзади, на затылке, а непременно на самой макушке или прямо у лба. Поэтому Яшку начисто остригали. Совсем наголо. За это дети дразнили Яшу Лохматым.

В то утро ребята встали рано. Прокрались на цыпочках на третий этаж.

Семилетний Яшка проворно залез на чердак. Отодвинул тайный кирпич и просунул руку в щель. Заветная бельевая верёвка была на месте. Яшка затолкал верёвку под рубаху и махнул Гришке рукой, чтоб держал лестницу.

Осторожно проскочив длинный холл, они выскользнули за дверь. Сегодня надо было доделать плот непременно и скорее сплавиться вниз по реке. На Красную Горку. Там, на этой Красной Горке, стояла настоящая пожарная каланча, старая, заброшенная. Большие ребята рассказывали, что с неё виден весь-весь посёлок и даже дальше. Что было дальше, никто толком не говорил. Поэтому Грише с Яшей очень хотелось увидеть самим это дальше.

План побега ребята продумали неделю назад. И потом долго ещё караулили верёвку. Длинную бельевую верёвку, натянутую на заднем дворе детской дачи. Пока тётя Сима, лагерная прачка, наконец не собрала с неё все эти бесконечные простыни и полотенца.

Не учли путешественники только одного: младшая Гришкина сестрёнка Вера в то утро не спала. Она мышкой выскользнула за дверь и, дождавшись, когда Яшка слезет с чердака, засеменила за ребятами вдогонку.

Гришка засёк погоню только на самом спуске к реке. Верочка жалобно всплёскивала руками и умоляла мальчишек не прогонять её. Гришка нахмурился. Он знал, что Верка не стерпит и проболтается. Так лучше уж взять противную девчонку с собой.

Вера торжествовала. Ещё бы! Ведь сегодня она отправится в самое что ни на есть настоящее плавание. На самом замечательном разбойничьем плоту. В том, что плот будет обязательно разбойничьим, девочка не сомневалась. Ведь Гришка, её старший брат, был настоящим разбойником. Его и мама так называла, когда бегала по двору детской дачи с ремнём. А Гришка, уличённый в очередной раз в вылавливании сладких разваренных груш из столовского котла с компотом,

прыгал в гущу крапивы, как самый отважный пират, удирающий от маминого гнева.

Да и верёвку он спёр по-разбойничьи. Ночью. Хорошо, что Вера тогда подглядела за ним. И вот теперь ему непременно придётся взять её с собой.

Как же всё-таки замечательно она всё придумала. Сердце маленькой Верочки так и замирало от счастья, от таинственного предвкушения скорого «морского путешествия».

Когда плот был уже скреплён верёвкой намертво, Гришка вдруг вспомнил про мешок с сухарями и копчёной колбасой. Предусмотрительно припрятанный в дупле чёрной липы у строящегося нового корпуса дачи.

— Верка, сгоняй за мешком! — приказал брат. — Он там, где стройка, в старой липе.

Девочка кузнечиком спрыгнула с мокрого бревна и помчалась к строящемуся неподалёку корпусу.

— Только ты мигом, а то мы без тебя уплывём! — крикнул вдогонку Лохматый.

Вот она, липа. Дупло было высоко. Верка скинула неудобные сандалии и стала карабкаться вверх по стволу. Рука утонула в глубоком дупле, и кончики пальцев нащупали большой полиэтиленовый пакет, туго перевязанный резинкой от штанов. Верочка прижа-

ла пакет к шее и начала спускаться, но вдруг, оступившись, бельчонком сорвалась со ствола на землю…

Одновременно с приземлением в ушах раздался выстрел. Как будто ей внезапно прострелили ступню. Девочка страшно испугалась, но закричать было нельзя. Она сильно прикусила язык и посмотрела на ногу.

Из ступни торчало остриё огромного ржавого гвоздя. Казалось, он рос прямо из ноги. Но боль почему-то вдруг исчезла, и не было ни капли крови. Только страх и большое желание помчаться скорее к ребятам, с нетерпением ожидающим её на плоту.

Девочка подняла ногу и увидела обломок доски, который был намертво прибит к стопе. Ну вот, единственный раз Гришка согласился взять её с собой, и вдруг этот гвоздь. Вера стиснула зубы и тихонько наступила на пятку. В глазах потемнело. Поплыли какие-то мелкие точечки. Нет, она не вернётся на детскую дачу. Она стерпит. Подумаешь — гвоздь. Девочка надела на «целую» ногу сандаль, и поковыляла к реке. Одной рукой она прижимала к себе пакет с сухарями, другой вытирала слёзы.

Так с гвоздём в ноге она и спустилась к ребятам. Мальчишки на неё даже не взглянули.

— Чего так долго? Валандайся тут с тобой! Принесла? Давай залезай. Отчаливаем уже.

Гришка по-деловому оттолкнулся самодельным багром от берега. Вера на коленках вползла на плот и примолкла. Всю дорогу она кусала губы и прикрывала ногу мешком. Лишь когда плот наконец коснулся другого бережка, Верка не выдержала и заревела в голос.

— Ты чего это?! — удивился Яша.

На Веру, очнувшуюся наконец от страстного желания путешествовать, неожиданно навалилась вся настоящая сила боли и страха. Из зияющей раны потоком хлынула кровь. Казалось, что кровь тоже на время затаилась в глубине, как будто осуществляя заветную девочкину мечту. И вот, когда мечта совсем почти осуществилась, кровь предательски рванула наружу.

Гришка сильно перепугался, потому что кровь из раны всё шла и шла, а гвоздь был таким большим и страшным. Ребята забрались обратно на плот и быстро погребли назад к детской даче. Туда с большим трудом и притащили бледную зарёванную Веру. С огромным таким, ржавым гвоздём в ступне. Каланча на Красной Горке так и осталась непокорённой. Наспех брошенный плот к вече-

ру унесла река. Гришке, говорят, сильно тогда влетело, и его отослали обратно в город. Вера же долго хромала. Месяц и даже больше. А гвоздь тот до сих пор хранится на детской даче, где-то в ящике с пузатыми колбами и треснувшим стетоскопом.

Эвелина Цегельник

Яблоки на крыше

Тётя, вооружённая ведром и тряпкой, обнюхивала сантиметр за сантиметром, пока не уткнулась носом в шкаф. Нос опускался всё ниже и ниже. И наконец замер на «нулевой отметке»: где-то между шкафом и полом. Вот когда запах стал действительно невыносим!

Тётя боязливо просунула руку под шкаф и вытащила… целую пригоршню каши. С чем так и села на пол.

Тётя с удивлением посмотрела на Юрку. Может, не всё она знала о детях? Вот, и аппетит хороший, и стул в порядке. Но без врача всё-таки не обойтись. Совсем заучили бедного ребёнка. Подумать только: кашу под шкаф!

Юрка продулся на тётю весь день. И даже проигнорировал любимую сливочную помадку. Оправдываться было бесполезно. Тётя не принимала никаких объяснений. И откуда взялась эта каша?!

Ночью Юрка не спал. Ему то и дело мерещились какие-то силуэты, слышались чьи-то шаги. От страха он боязливо включал фонарь и обводил им комнату от потолка до пола.

Время шло. Постепенно в доме стихли все звуки, и стало так тихо, что можно было различить слова песни, которую пели где-то за рекой.

К полуночи Юрка совсем раскис и погрузился в сон. Проснулся он только утром. От чувства ужасной неловкости. Такое бывает, когда ешь печенье под одеялом.

Печенье Юрка любил. Но не настолько, чтоб есть его ночью в кровати. Да и воровать печенье у тёти Нели было незачем. Оно лежало везде. С ванилью, тёртым миндалём и абрикосовым джемом. Тогда откуда крошки?

Юрка поскрёб затылок и стряхнул крошки на пол. Вслед за крошками туда же полетела целая пригоршня яблок. Юрка подскочил, как ужаленный. Что за наваждение? Он испуганно зажёг фонарь и заглянул под кровать.

В самом деле, на полу лежала горка надкусанных яблок. Причём каждое яблоко было надкусано только один раз. Юрка снова поскрёб затылок. Чертовщина какая-то. На мгновение ему даже показалось, что он имеет к этим яблокам какое-то отношение.

Нет, тут было что-то не чисто. В доме завелось приведение? Или побывал какой-нибудь глупый вор? Раскрошил печенье, надкусал яблоки, а под утро, заметая следы, столкал

всё Юрке под одеяло. А может, не вор вовсе, а… тётин сосед? Три года назад он бывало наведывался к тёте частенько.

Юрка вспомнил, как тот приносил тёте козье молоко. Но сейчас дед Егор был совсем стареньким, и для него давно стало подвигом даже самостоятельное влезание-вылезание из кресла…

Так и не найдя ответа, Юра запинал яблоки под кровать, в самый дальний угол. Затем быстро оделся и спустился с чердака вниз.

С летней кухни шёл удивительно сладкий запах. Тётя Неля пекла яблочный пирог. Увидев Юрку, тётя захлопотала, засуетилась, запела заливистым девчоночьим говорком.

Юрка пожелал тёте доброго утра, взял тарелку с пирогом и как бы между прочим (чтоб сильно не выдавать испуг) сообщил тёте про ночного посетителя, искрошенное печенье и горку надкусанных яблок. Услышав эту удивительную историю, тётя пришла в восторг и попросила впредь яблоки под одеялом не есть и из корзины новых не надкусывать.

С этими словами она высыпала из кармана передника на стол горку надкусанных яблок. Точь-в-точь таких, какие Юрка обнаружил в своей спальне. Чепухня какая-то.

Юрка даже поёжился. По тётиным словам выходило, что это он надкусывает яблоки и прячет их под одеяло.

Хуже того, тётя вынула из карманов его пальто горстку засохшего печенья. Выходило стыдно. Теперь надо или извиняться, или доказывать, что ты прав. Но на фоне таких убедительных аргументов все Юркины оправдания выглядели довольно плачевно. И Юрка на всякий случай извинился перед тётей. Может, и вправду он сделал это сам, во сне?

Между тем круговорот яблок в природе продолжался. Каждое утро Юрка находил под одеялом очередную порцию яблок. И это было уже не смешно, потому что тётя, выразила, наконец, крайнюю озабоченность Юркиным здоровьем и накатала письмо в город…

Честное имя требовало срочной реабилитации. Надо было успеть до приезда мамы, а посему Юрка решил действовать. Он тайком вытащил из тёткиного сундука старые рыболовные сети, отвязал со двора бельевую верёвку и затаился…

Ночь была лунная, светлая. По стенам чердака то и дело пробегали кривые силуэты яблонь. Юрка провожал их глазами и снова напряжённо всматривался в темноту.

Так вот и ждал, пока не заснул. И снился ему огромный шкаф, доверху набитый книгами.

Юрка поднимается по стремянке вверх. Тянется за самым истлевшим переплётом. Глядь, а это уже не книга вовсе, а… дедушка Егор. Он сидит на самой верхней полке и приветливо машет Юрке ногой в потёртой тапочке. Юрка из последних сил дотягивается до его полки, и тот в ответ протягивает ему большое надкусанное яблоко. Юрка от изумления теряет равновесие и… просыпается на полу.

Сколько прошло времени, Юрка не знал, только вдруг откуда-то снизу послышались отчётливая возня и шорох. И через мгновение что-то сухое, упругое выкатилось наружу…

У Юрки от страха мороз пробежал по коже. И онемел язык. Он захотел крикнуть, но не смог.

«Что-то» клубком метнулось по чердаку. Скакнуло на стул, комод, шкаф. На Юркину кровать, оттуда в ларь с фруктами. Похоже, места в доме «гостю» были знакомы.

Юрка так перепугался, что не включил фонарь, а когда включил, в комнате уже никого не было.

— Ох, батюшки, — послышалось внизу, — белка!!!

Оказывается, тётя не спала. Её мучили сомненья. Не мог так с ней поступить любимый племянник (в смысле надкусывания яблок и подсовывания каши под шкаф)…

Тётя прохрипела что-то ещё, потом вцепилась в кастрюлю и вместе с ней прилипла к стене. Юрка поспешил тёте на помощь. Он так торопился, что перескакивал сразу через три ступеньки.

— Так вот кто проказничал в моём доме! — прошептала тётя.

Что-то невообразимо пушистое, с нежным бархатным хвостом сидело на кухонном буфете, уставив на Юрку блестящие капельки глаз. Белка… В самом деле — белка! Самая

что ни на есть настоящая. Мех у белки был густой, пушистый ярко-рыжий. Хвост густо покрыт длинными волосами. И всё это горело, искрилось под ярко вспыхнувшей лампой. Юрка замер от восхищения. Он впервые так близко видел белку.

Мальчик схватил со стола ломтик хлеба и протянул его «гостье». Белка встрепенулась, перелетела на стол. Затем на радиоприёмник. На тётину тахту. Стрелой промчался по коридору и… юркнула в отверстие в крышке погреба, чтоб, спустя мгновение, выкатиться на улицу через вентиляционную трубу. Так вот, оказывается, как проникала белка в дом. Через торчащий в фундаменте дома обрезок трубы и отверстие в люке погреба. Вот чьи запасы, просыпаясь, находил Юрка под одеялом. Возможно, всё так бы и продолжалось, если б не кислый запах. Хотя зачем белка пережёвывала запасаемые яблоки в кашицу, неясно до сих пор. Постепенно всё в доме возвращалось к обычной жизни. Никаких признаков пребывания белки в доме больше не наблюдалось. Тётя Неля провела ревизию: заткнула тряпкой вентиляционную трубу, вытряхнула из карманов пальто печенье и перебрала яблоки. Запасы у тёти нисколько не сократились, а даже пополнились:

пришёл срок поздних сортов груш и яблок. Тётя настолько забила ими дом, что вынуждена была пролезать между чанами с втянутым животом.

Белка в доме так и не появилась, хотя Юрка частенько оставлял для неё на крыше самые крупные яблоки. Но яблоки пролежали нетронутыми весь август. А потом пошли дожди. И тётя увезла Юрку в город.

Недоразумение

Люська упорно грызла ноготь. Не свой, конечно. Вовкин. Точнее Вовкиной левой ноги. Вовка инстинктивно пихал Люську в нос, Люська издавала пару булькающих звуков, скатываясь куда-то вниз по складкам одеяла. А через пару минут всё повторялось вновь... Крыса, как ни в чём ни бывало, пристраивалась к облюбованному Вовкиному ногтю, вынимая из Вовки последнее сердце.

Заснувший уже было Вовка, инстинктивно дёрнул ногой. Отчего Люська сделала в воздухе плавный пируэт и шлёпнулась на подушку Вовкиной старшей сестры.

Сестра недовольно чмокнула припухшими ото сна губами и перевернулась на другой бок. А Люська, волоча за собой Нинкину прядь, юркнула в образовавшийся в складках одеяла туннель, мгновенно переместившись к Вовкиному, немытому ногтю.

Вова не любил животных. Крыс особенно... Крысы вызывали у Вовы стойкое чувство отвращения. Но Люська была не просто крысой. Она была любимой крысой его старшей сестры, что, естественно, несколько напрягало. Сестру Вова уважал. Даже побаивался.

Остроносая, худосочная спирохета Нинка — с очками-костылями и пучком рыжих волос — крысу любила и взахлёб объясняла варвару Вовке, что сидеть в запёртой клетке крысе вредно. От этого, мол, она становится грустной и толстой. И что Вовка должен иметь это в виду и не травмировать хрупкую Люськину душу чумовым «металлом», вонючими носками и сквозняком. При этом Нинка делала такое страшное лицо, что у Вовы холодели даже уши. Правда сейчас сестра спала, и адреналин в её крови бездействовал…

Вовка одним выстрелом ноги придавил Люську к спинке кровати и быстро ухватил за голый хвост. Люська, демонстрируя свою ошарашенность, тонюсенько взвизгнула и,

развернувшись всей своей мордой, уставила на Вовку малюсенькие бусинки глаз, похожие на студенистую волчью ягоду.

Вовка-варвар беспокойно покосился на старшую сестру (спит — и порядок!). Из-под Вовкиных длинных пижамных штанин вынырнули короткие квадратные ступни и быстро-быстро прошлёпали по коридору.

Не зажигая света, Вова мгновенно повернул ручку на двери сортира и спешно закинул Люську внутрь. Теперь не вырвется!

И, довольный, обтёр о штаны руки: коли зло неизбежно, то нужно сделать вид, будто его нет!

Приоткрыв дверь храпящей комнаты, Варвар рыбкой нырнул в постель.

Лишь только первый луч посеребрил верхушки деревьев, Вовкин «хронометр» отсчитал подъём. Нинка зловеще заворочалась. Надо было срочно выпускать Люську.

Вовка пробрался в коридор, зевая повернул ручку-замок. Подождал, пока выскочит крыса. Но, не дождавшись ответа, удивлённо заглянул внутрь.

Ровная поверхность глазурованной плитки не несла на себе никаких следов Люськиного времяпребывания. Настала гнетущая тишина.

Вовка озадаченно заглянул за сливной бачок, в ведро, даже рукой пощупал где-то за унитазом (ну хоть что-нибудь мокрое!), больно ударившись при этом лбом о верх керамического горшка. Пусто!

Ужас шевельнулся в Вовкиной голове. Как ветром сдуло остатки сна. Он сразу проснулся. А что если?..

Что, если ночью крысе захотелось пить? Ну, предположим. И, осуществляя естественную свою крысиную потребность, Люська спрыгнула со сливного бачка на край унитаза. Но, не имея в таких делах достаточно опыта, сорвалась «в голубую даль». По телу у Вовки пробежали мурашки. Даже волосы зашевелились где-то на затылке. А перед мысленным взором предстало красное, вывернутое наизнанку Нинкино лицо.

А может, всё было гораздо проще! И Вовка попал Люськой в «цель» сразу, в момент вынужденной её депортации из спальни?!

Вовка представил Люську, плавно нырнувшую в глубокий рукав унитаза, и сильно заволновался. При этом судорожно дёрнул ручку сливного бачка (в трудные минуты Вовка соображал быстро и в нужном направлении). Для предотвращения, так сказать, внезапного всплытия Люськи на поверхность в самый неподходящий для этого момент…

Плохая новость, что и говорить. Вовка со спины стал похож на обгоревшую спичку. Крыса умерла быстрой и спокойной смертью.

А где-то там, в глубине бездонной спальни, уже начинала просыпаться его старшая сестра.

Дрессировщики

Качусь я как-то на велосипеде. Навстречу Серёжа с соседней дачи — ему одиннадцать — тоже на велосипеде. Поехали, говорит, до колодца.

Доехали мы до колодца. Глядим, а за колодцем — лужа. В луже — две жабы. Сидят, на солнце греются. Решили мы одну жабу с собой взять. Серёга животных дрессировать учился, в цирке выступать хотел.

Сгонял друг за ведром. Набрал воды. Посадил в ведро жабу. Дужку на руль велосипедный надел и к себе, на дачу. Я следом.

Приехали. Жабу из ведра достали, рассматриваем. Крупная жаба, шершавая.

Решил Серёга жабу на прыгучесть проверить. Взял водяной пистолет и давай из него по жабе палить. Струйка воды на жабу

попадает, та подпрыгивает. И так каждый раз. Смешно получается. Сначала Серёга палил, потом я. Палили, палили, пока не надоело. Солнце печёт, есть хочется.

«А давай, — говорит Серёга, — жабу на съедобность проверим. Мама говорила, что их французы едят. Это у них деликатес такой, ну как у нас мороженое. Французы — они ведь не дураки, есть что попало не станут!»

У Сергея как раз печка из кирпичей была, прямо на улице. На ней его мама воду грела, чтобы огурцы поливать.

Надрали мы бересты, досок насобирали, сложили в кучу, зажгли. Поверх чугунную сковородку поставили. Разогрелась сковородка.

Серёга мне: «Давай жабу!»

Я жабу из ведра достал. Серёга её на сковородку кинул. Секунды две жаба на сковородке посидела и вдруг как подскочит, как перевернётся в воздухе три раза и прямиком в кусты. Сальто мортале получилось.

Сергей за ней помчался, кричит: «Вот это да! Ты видел? Ты видел! Какой номер получился!» А я рядом стоял, конечно, видел.

Искал её Серёга, искал. Не нашёл. Сильно расстроился: такую «прыгучую лягушку» иди поищи. Утёк деликатес. И мяса не попробовали, и номер пропал!

А тут мимо него ничего не подозревающий Журка бежал. Журка — собака ничейная, беспородная: голова да хвост. Сама конопатая, морда конопатая, а хвост белый. Позвал Сергей Журку — решил дрессировать на артиста. Очень ему нравился номер один в цирке — с хождением по канату. Вот бы и Журка так смог!

На участке у Сергея дерево росло. Раскидистая сосна. С шишками и иголками. Внизу ветви были отрублены (дров как-то нам не хватило), а вверху ветви были. На этой сосне у нас с Сергеем «дом» был. Целый год строили.

Дом не дом, а пост наблюдательный получился (площадка с перилами). От него ступеньки по сосне вверх шли, до самой верхушки. С них хорошо было на поезда смотреть и лес.

Так вот, решил Сергей дрессировать Журку на этой самой сосне, чтоб к высоте привыкала, не боялась, когда по канату ходить начнёт.

Дал Серёга Журке колбасы. Журка колбасу съел, хвостиком заболтал. Доволен. Ещё просит. Подожди, говорит Сергей, сперва заработать надо. Посадил Журку в сетку. Сетку на трос прицепил. И давай поднимать на дерево. На сосне обод от колеса висел. Через обод трос перекинут. На одном конце троса

кирпичи висели, на другом Журка в сетке. Кирпичи Журки тяжелее — Журка вверх быстро взлетел. Даже зажмуриться не успел.

Втащили мы его на площадку, из сетки вынули. Посмотрел Журка вниз — дыханье перехватило. Ещё бы — не каждому псу на самой верхушки сосны побывать случается. Наверно, от счастья.

Стал Серёга Журку цирковому искусству учить. На трос его ставит, а Журка когтями за одежду цепляется — не оторвать. Серёга с ним бился, бился — никакого толку, прямо замучился. Ну как такого непонятного дрессировать?! Решил с сосны научить прыгать. Это в цирке тоже сгодится.

Соорудил из зонтика и простыни парашют. Верёвками к Журке привязал и вниз спустил.

Журка приземлился быстро. Быстрее, чем ожидал. Точнее не приземлился, а приводнился. Потому что плюхнулся прямо в ванну. Всю воду расплескал и умчался — только мы его и видели.

К вечеру Журку изловил сторож Вася и, жутко ругаясь, отвязал «парашют», вернее то, что от него осталось.

Вот и я говорю, неправильно Серёжка всё делал. Начинать надо с мелкого зверя: с таракана там или с птички. А он мне: «Птички! Птички!!! Ну, с Яшки вот и начнём!»

Забыл я, какая неприятная история недавно с ним приключилась. Вот и сморозил глупость. За то друг и вспылил. Ну, раз Серёга сам решил про то вспомнить, так и быть, расскажу. Так вот…

На соседнем с Серёгиным участке жили четыре курицы и петух. Петух был одноглазый. По кличке Бандит (вообще-то его звали Яшкой). Голосистый и злой. Обычно он сидел на заборе и косил на нас единственным жёлтым глазом, пока мы что-нибудь мастерили. А тут история неприятная вышла.

Сидит однажды Сергей в сарае за «важным делом» и скуки ради петуха дразнит.

ОДИНЦОВО

Яшка на заборе: «Ку-ка-ре-ку!», и Сергей в сарае: «Ку-ка-ре-ку!». Яшка: «Ку-ку-ре-ку!» И Серёга: «Кукуреку!» Так и сидят, каждый своим делом занят, друг дружку передразнивают. Яшка злится, на сарай косится. А Сергей в сарае знай заливается.

Слетел петух на землю, за сарай зашёл и замолк. Смотрит Сергей в щелку — нет петуха. Он ему: «Ку-ку! Ку-ку! Кукареку!» А Яшка молчит.

Не видит Серёга, что петух позади сарая ходит, землю ногами гребёт, гребень по-боевому настраивает, к бою готовится. Знай себе дразнится: «Ку-ку, ку-ку, кукареку!!!» А в ответ — ничего.

Решил Сергей посмотреть, куда петух делся. Выглянул из сарая, даже штаны не надел. Посмотрел направо — нет, налево — не видно. За сарай зашёл — никого. А петух в это время из-под сарая как вывалится, как начнёт его клевать в голую задницу. Заорал Сергей, в сарай кинулся. Петух за ним. Налетает, клюёт. Еле-еле от петуха отбился. Сидит в сарае, «ушибленные» места потирает, вылезти боится: ждёт, когда петух уйдёт.

Так и сидел, пока я не пришёл. Зову его: «Сергей, Сергей!» А он из сарая: «Где петух?»

Я не понял: «Какой петух? Нет никакого петуха, выходи». Серёга из сарая выходит, по сторонам озирается: на всякий случай, укрытие ищет.

— Почему это ты в сарае сидишь? — удивляюсь я. А друг осторожно так оглядывается по сторонам (как бы не привлечь неприятностей на свою голову) и шёпотом говорит:

— Видишь ли, этот петух настоящий монстр.

— А-а… Ещё скажи петух-мутант! Он что, трёх метров?!

Сергей густо покраснел: как только я мог сомневаться в его храбрости и великой отваге? А я вообще-то и не сомневался.

Серёга на соседний участок исподтишка посмотрел: петух спокойно между кустов клубники погуливает, слизняков жирных выискивает. Доволен своим реваншем.

Сели мы на велики, поехали на речку Чернушку. Небольшая такая речка. Вокруг неё деревья растут. Пляж небольшой. Красиво!

Приехали к речке. Спустились. Смотрим, ребята на плоту катаются. Удобный такой плот, двухместный.

Решили мы тоже на плоту покататься. Дождались в кустах, пока ребята уйдут. На плот залезли. Плот деревянный, из шести брусьев. Брусья верёвками обмотаны, гвоздями

заколочены. Видно, ребята сами плот смастерили. Встали мы на плот и поплыли.

Плывём, от дна палкой отталкиваемся (она вместе с плотом была). Речка неглубокая. Отталкиваться легко. И когда отталкиваешься, чувствуешь под собой песок: он палку засасывает.

Проплыли мы немножко. Понравилось. И тут Сергею взбрела мысль: покатать на плоту Журку. Он к берегу погрёб, сел на велосипед — за Журкой умчался.

Через некоторое время привёз Журку. Журка с велосипеда постоянно рыпался, сбежать норовил. А Сергей — тот умный: чтоб Журка не сбежал, он его в сумку посадил. Сумку на руль повесил и довёз таким способом до реки.

Хорошо, что тёть Зоя, его мама ничего не заметила, а то бы: «Куда повезли бедного Журку? Вот только узнаю чего плохое, получите от меня растерзание!» А так Серёга Журку без особых проблем довёз.

Через некоторое время зашёл он с Журкой на плот. Журка долго оглядывался по сторонам, не понимал, что происходит. Куда ни глянь — везде вода! Совсем растерялся. Глаза выпучил. Лёг на плот и стал лежать.

На плоту вода всё прибывала и прибывала, он постепенно уходил под воду: не выдерживал нас. Но Журка всё равно лежал.

adidas

Вот уже и лапы в воде, и хвост. И тут Сергею пришла в голову новая мысль — научить Журку плавать. Если Журка плавать научится, его можно будет в цирке показывать — номер про плавающую собаку.

Взял Сергей Журку, три раза перекувырнул через голову и бросил. Послышался жуткий бульк: Журка упал в воду. Навстречу пошла волна, и плот закачался. Я очень испугался за Журку. А вдруг не всплывёт? Гляжу, где собака, где?! А Журка вскоре вынырнул и лапами к берегу погрёб. Быстро-быстро. Серёга ему наперерез помчался. Но Журка всё-таки быстрее приплыл. Вылез на берег. Весь отрёпанный, как после парикмахерской, дышит во всё горло, отряхивается. Отряхнулся — и бежать.

Сергей доволен: с первого раза научил Журку плавать. Номер цирковой готов.

Ну, мы с Серёгой ещё немного поплавали, затем припарковались к берегу, плот на прежнее место поставили, достали из кустов велосипеды и покатили домой. Тут Серёга вновь про Журку вспомнил.

«Нехорошо, — говорит, — если Журка на участок первым придёт. Он мокрый, мама сразу поймёт, что мы Журке что-то плохое сделали. Надо, — говорит, — Журку поймать и просушить».

Бросили мы велосипеды, помчались за Журкой. Еле как догнали: он в траве лежал, облизывался.

Ну, мы его сушить! Вытирали, вытирали. Ни рубашки, ни штанов сухих на нас не осталось.

Еле как просушили Журку. Посадили в сумку — и домой.

Приехали на участок. Сергей из сумки пса вынул, опустил на траву. Я — мокрый. Серега — мокрый. А Журка сухой, причёсанный, покосился на Серёгу, потом на меня. Вздохнул (он всё ещё немного не доверял нам) и положил смешную конопатую морду себе на лапы.

— Чего испугался, глупенький! Не дуйся! — погладил Серёга по голове Журку. — Неужели ты думал, что мы тебя утопить хотим? Да мы ещё с тобой в цирке выступать будем.

— Не знаю, — неуверенно пожал плечами пёс. — Мне это не известно!

Конечно, он не на самом деле так нам сказал, понарошку

— Я только хотел… — начал было Серёга, но не договорил и убежал в дом и через минуту вынес большой кусок колбасы.

— Хорошо, — примирительно завилял хвостом Журка. — Но постарайся больше так не делать.

— Согласен, — облегчённо выдохнул друг. — Обещаю, такого больше не повторится: я тебя на суше дрессировать буду.

Журка торопливо вскочил и побежал прочь. Его радовала мысль, что он хотя бы на время избавился от моего друга.

Кошелёк

Только когда телефонная трубка снова легла на рычаг, Ира увидела это.

Это лежало прямо на железной полочке, рядом с телефонной коробкой, свесив вниз краешек зелёного уха.

Ирка зажмурила глаза. Быстренько сосчитала до десяти. И снова открыла. Это лежало на том же самом месте. Ира сперва не поверила, что это ничьё. Она даже высунула голову из телефонной будки на улицу и громко крикнула: «Эй! Эй...». Затем настороженно посмотрела по сторонам. Никого. Только где-то вдалеке торопливо шагала тётенька в цветастом платке с большой хозяйственной сумкой в руке. Да в скверике, положив дырявую соломенную шляпу на скамью, мирно читал газету старичок.

Ира прикусила нижнюю губу и снова заглянула на полочку. Осторожно встав на цыпочки, девочка потянула за край зелёного предмета. Тяжёлый кожаный кошелёк плюхнулся прямо ей в руки. Большая перламутровая пуговица заговорщицки подмигнула девочке, будто говоря: «Ну давай же, смелей, смелей... Тебе же так хочется заглянуть

ко мне внутрь! Пусть это будет наша с тобой тайна!» При этом кошелёк уютно и как-то совсем по-домашнему растянулся в Ириных ладошках. Из-под его зелёной тёплой кожи проступали выпуклые монеты.

С минуту девочка подержала неожиданное сокровище в руках, как бы раздумывая, что с ним делать.

На углу магазинчика показался бородатый дворник. Ирка моментально сунула кошелёк обратно и выскочила из будки. Дворник, отставив метлу, порылся в кармане, извлекая жёлтые монеты. Зашёл в магазин и вскоре вышел с батоном под мышкой. Как только дворник скрылся за поворотом, Ира нетерпеливо шмыгнула обратно, в телефонную будку.

Соблазн был велик и так близок. Находка притягивала Ирин взгляд помимо её воли. Ирке не терпелось узнать, что же там внутри. За чудесной такой перламутровой пуговицей…

И её рука потянулась вверх. Вот оно богатство. Зажмурив глаза, девочка распахнула увесистый кошелёк. От неловкого движения свёрнутые пополам бумажки бабочками выпорхнули на ладонь. Их было, наверно, много. Ира ещё не училась в школе и отличала деньги в основном по цвету. Она знала, что на зелёную можно было сходить в кино. А на красную на-

купить много разных шариков и даже купить куклу, ту, с золотыми тяжёлыми кудряшками и всамделишными закрывающимися глазами.

Эту куклу давно уже обещали девочке на день рождения. Но он всё почему-то не приходил и не приходил. Мама говорила, что он наступит зимой. И тогда девочке сразу исполнится шесть лет.

Но до зимы ещё так долго. И потому, подержав в руках пригоршню бумажек, Ира решила, что если их станет немного меньше, никто не обидится. И даже вовсе не обратит никакого внимания.

Девочка решила взять кошелёк себе лишь на время. Ведь рядом стоял такой прелестный маленький продуктовый магазинчик…

Ира бегала в магазине от витрины к витрине. Не в силах отвести взгляда от прозрачных тянучек, ванильной халвы, розового мороженного, великолепных сахарных подушечек, которые так восхитительно тают во рту. Девочка решила попробовать всё. Она протянула улыбающейся тёте красную бумажку и попросила всего по полкило.

— У тебя, наверное, день рождения! — ласково улыбнулась голубоглазая тётя-продавец, протягивая девочке большой пакет со сладостями. Ира почему-то смутилась и сильно покраснела.

Ей вдруг так захотелось рассказать доброй тёте про телефонную будку и кошелёк. Она совсем уже было раскрыла рот, но, вдруг испугавшись, что её станут бранить, прижала пакет и попятилась к двери.

Ира не пошла домой сразу. Да и что она скажет маме? Как объяснит это изобилие сластей? А вдруг мама решит, что это плохо?

Ира сидела в скверике на лавочке и задумчиво сосала карамельку. Карамелька была совсем невкусная, с яблочным повидлом. Да и подушечки почему-то были какие-то пресные, будто ненастоящие. А халва и вовсе горчила. Девочка грустно вынула из пакета пирожное. Откусила немного, подержала с минуту во рту и выплюнула. Пирожное оказалось не с любимым сливочным кремом, а с противным заварным, который Ира терпеть не могла больше всего на свете.

Девочка в отчаянии бросила пирожное на землю, и его тут же сглотнула большая чёрная дворняга, внимательно следившая за девочкой из-за кустов.

Ира посмотрела на собаку, потом на свою покупку, всхлипнула и горько заплакала. Она не знала, как ей быть. Кошелёк неожиданно вырос в размерах и казался теперь таким большим и страшным. Совсем-совсем чужим.

Да и пуговица уже вовсе не подмигивала ей, а косила зловещим пиратским глазом.

Ира с ужасом отодвинулась от кошелька. Что же теперь с ним делать? Домой принести нельзя. Выбросить? Нет, могут увидеть…

Девочка решительно подняла с земли небольшой обломок доски и стала быстро раскапывать ямку возле скамейки. Затем, обернув листом лопуха, уложила злополучную находку на дно. Сверху аккуратно привалила свёрток землёй. Несколько раз притопнула ногой. Ну всё. Вроде не заметно…

Домой Ира шла неторопливо, чтобы ненароком себя не выдать. Забытый пакет с угощеньем так и остался одиноко лежать в скверике на широкой скамье.

Большая чёрная дворняга уволокла пакет в кусты и, улёгшись на брюхо, засунула морду прямо внутрь аппетитно пахнувшего мешка.

Иру всё больше и больше начинало охватывать чувство тревоги. Даже прохожие теперь как-то совсем по-другому смотрели на девочку. Ире порой начинало казаться, что они всё знают и про телефонную будку, и про чужой кошелёк, и про оставленный на скамейке пакет.

Даже старичок на скамеечке, стоило лишь только Ирке поравняться с ним, вдруг резко

надел шляпу и как-то укоризненно заглянул ей в глаза, слегка качнув при этом головой.

Ира вздрогнула и ещё больше сжалась. Вдруг этот старичок и не старичок вовсе, а колдун! И колдует сейчас ей вслед что-нибудь ужасное. От этого Ирка ещё быстрей засеменила маленькими ножками. Вот он дом, вот подъезд, вот лестница, квартира. Девочка изо всех сил надавила кнопку звонка… Тишина. Ирка вдруг вспомнила, что ключ сейчас висит как раз на гвоздике, в той самой телефонной будке.

Девочка совсем было собралась расплакаться, но тут прозвучал мамин голос. Ира глянула вниз и увидела маму. Мама Зина была не одна. Вместе с ней, причитая и трубя в цветастый платок, поднималась соседка, тётя Люся.

Ира недолюбливала тётю Люсю. За то, что та тискала её как маленькую, сюсюкая при этом: «Сюсенька, Сюся!» Ира в глубоком детстве не умела выговаривать тётино имя, поэтому, с лёгкой руки тёти Люси, к Ире и привязалось это нелепое прозвище.

Но сейчас тётя Люся была такая жалкая. С красным опухшим лицом, сливоподобным носом. И так беззащитно всплёскивала руками.

— Только на пять минут-то и отошла от телефонной будки, Зина! Вернулась — а кошелька

нету. А ведь бегом назад бежала… Вот скажи на милость, какое горе. Всю получку свою потеряла.

— Люсь, в магазине-то спрашивала? — сокрушалась Ирина мама.

— И в магазине, Зиночка, и в ларьке, и у дворника Феди… Что ты, и не видал никто!

— А ты в милицию сходи. Может, какой честный человек туда отнёс твоё богатство. Мир не без добрых людей!

— Ох, горе-то какое навалилось, горе…

— Ты заходи, Люсенька, я тебе крупы, хлеба, конфет дам, объявление о потере напишем.

Тётя Люся поравнялась с прижавшейся к перилам Иркой, протрубила в снятый с головы цветастый платок носом и погладила девочку по голове.

— Сюсенька, ты чего это такая бледная, не заболела ли деточка? — тётя Люся хотела сгрести Ирку, как обычно, в охапку, но девочка вырвалась и побежала прочь.

— Ты куда, доченька? — удивилась мама.

Девочка мчалась назад, в сквер. Во рту пересохло. А сердечко, казалось, прыгало где-то под коленками.

Она всё поняла. Это же тётя Люся оставила деньги в телефонной будке… Вот сквер.

Скамейка. Ирка растерянно поискала глазами пакет. Пакета нигде не было. Зато в кустах, положив довольную морду на кучу цветных обрывков, безмятежно спал дворовый пёс.

Ирка опустилась на корточки возле скамьи и прямо ногтями стала откапывать кошелёк. Он лежал на листе лопуха, глядя на неё перламутровым добрым глазом. Ира сунула кошелёк в панамку и заспешила к дому.

Зайдя в подъезд, Ира постояла секунду-другую, прислушиваясь к бешено бьющемуся сердцу. Затем, встав на цыпочки, аккуратно просунула кошелёк в щель почтового ящика тёти Люси. Страх ушёл, и стало легко.

Женька

Женьке нравились ледяные катушки. Поэтому он никогда не пропускал ни одну катушку, встретившуюся ему на пути.

Ставя лакированные калоши ребром на лёд, сорванец скользил по накатанной ребятнёй зеркальной полоске, испытывая многострадальное Шурино терпение. Женьке даже не мешали длинные полы девчоночьей пятнистой шубы, перешедшей по наследству от старшей сестры.

Женька задирал подол шубки вверх, и с восторженным заливистым смехом нёсся от одного конца ледяной катушки к другому. А потом, запинаясь в полах шубы, мчался к следующей катушке. Женька, боготворивший свою умную сестрёнку, носил её шубку с особой гордостью. Потому как детское воображение ставило их сразу на одну ступеньку.

Шурины восемь лет казались Женьке чем-то очень значимым и большим. Сестра в его глазах была ужасно взрослой и умной. И поэтому Женьке неимоверно нравилось, когда взрослая такая Шура, ожидая его терпеливо, переминалась с ноги на ногу возле каждой встреченной им на пути катушки.

Вот и теперь выполнявшей мамино поручение Шуре приходилось время от времени останавливаться. А Женька с восторженным визгом скользил по льду взад и вперёд.

Магазин был на той стороне дороги. Обычно Шура перебегала дорогу за несколько секунд. Но теперь она была с Женькой. Шура не любила, когда Женьке надевали эти лакированные галоши. Потому что Женька сразу начинал в них лезть на всевозможные ледяные катушки, то и дело попадавшиеся им на пути. Но Шуре приходилось терпеть. Ведь она обожала этого сорванца больше всего на свете. Такого румяненького и пухленького, что кажется — дотронешься до щёчки, брызнет сок.

Шура торопливо ступила на проезжую часть, потянув за собой брата. В этот момент девочка почувствовала, что её пальцы сжимают пустую варежку. Оглянувшись, Шура увидела брата, удирающего со всех ног к ледяной катушке, образовавшейся посреди дороги… а ещё огромную черную машину, нарастающую из темноты.

Страх захолодил сердце. Шура хотела крикнуть, но не смогла, она только открыла рот, не в силах издать ни звука. Девочка бросилась к Женьке, но поскользнувшись на льду,

упала, подмяв под себя брата. В голове пульсировала только одна мысль: Впереди грузовик!

Боясь взглянуть навстречу опасности, девочка попыталась встать на четвереньки. Но ноги не слушались. Их как будто внезапно отрезало или парализовало. Шура попыталась подтянуться руками. Но и руки вдруг стали чужими. Они не шевелились и не сгибались. Но Шура не заплакала, она вытянула шею и намертво вцепилась зубами в воротник пятнистой Женькиной шубки.

Грузовик стремительно надвигался, словно чудовищный стальной монстр, заслонив собою полнеба. Совсем близко, над Шуриным ухом, раздался скрежет и визг тормозов. Какая-то женщина испуганно закричала с тротуара.

Машину, попавшую на лёд, понесло прямо на детей. Тепло работающего двигателя дыхнуло в лицо.

Секунды застыли вечностью. Вдруг какая-то нечеловеческая сила наполнила Шуру, заставила рвануть зубами сжавший пятнистый ком к обочине.

Зубы девочки внезапно превратились в какие-то металлические скрижали. Рывок, ещё рывок… Детское тельце вынырнуло из-под громадных чёрных шин в самый последний

момент. Шура успела заметить сквозь лобовое стекло бескровно-белое лицо водителя грузовика. Резина прорезал искрами воздух совсем рядом.

Отброшенный в сугроб неимоверным, недетским усилием, малыш не плакал. Он неподвижно лежал на снегу.

— Ты жив… жив, Женька? — пришедшая в себя Шура испуганно склонилась над ним, ощупывая дрожащими руками голову, руки, коленки.

Мальчик открыл глаза и доверчиво улыбнулся. Шура увидела, как в глубине братишкиных глаз отразился кусочек бирюзового неба. И обняв брата, обессиленная, легла рядом.

А с тротуара к ним уже спешили люди.

Эвелина Цегельник

Веретено

Утро всё не начиналось и не начиналось. А это было несправедливо. Ну, если утро не идёт к ней, значит, она сама начнёт это утро! Танька решила процесс убыстрить. Для этого надо было просто разбудить сестру. Танька стащила с сестры одеяло и стала яростно щекотать её за пятки. Маша была старше Татьяны ровно на год. И, в отличие от «нервной» Таньки, была степенна и уравновешена, но при этом ужасная соня.

Надо сказать, Маша проснулась сразу. Но с Машей мгновенно проснулся весь дом. Все четырнадцать мирно спящих его этажей одновременно вздрогнули от сотрясающего стены дикого вопля и бешенного топота детских ног: вереща, словно резанная, роняя на ходу стулья, книги, цветочные горшки, Татьяна со всех ног удирала от разгневанной сестры.

Утомлённые, пятнистые от синяков, сёстры сидели за завтраком понурые и неразговорчивые. Мама по очереди смазывала их зелёнкой, латала пластырем боевые шрамы и заплетала косы.

Сегодня был юбилей. У бабушки. Бабушку звали Валя, и жила она на самом краю города в собственном доме.

Послушно отсидев торжественную часть и на время забыв про обиды, сёстры дружелюбно уселись делить бабушкины подарки пополам, раскладывая добычу по двум равным кучкам: разворачивали таинственные свёртки, пакеты, ели из коробок конфеты, нюхали пузырьки и жалели, что им не по семьдесят лет. Ведь таких замечательных подарков им не дарили ещё никогда!

Дело подходило к концу, вот только парусник никак не делился. Он выпадал как раз напротив синенького флакончика духов, которые Маша, нюхая, умудрилась наполовину пролить на ковёр.

Не желая иметь ополовиненный пузырёчек, Маша быстро захватила парусник себе на правах старшей сестры. Делёж завершился грандиозным скандалом. Сёстры разругались в пух и прах.

Появившаяся на пороге мама ловко убрала разложенные подарки на стол и, отшлёпав дочерей для профилактики, в ультимативном порядке отправила обеих в кровать. Ну что ж, кровать как раз подходила для осуществления задуманной мести.

Татьяна первой заняла самую удобную позицию, у стенки: ведь если упереться в неё спиною, удары по врагу будут наноситься особенно метко.

Маша быстро нырнула под одеяло, подло показала язык и отвернулась от сестры. Танька торжественно «поехала на велосипеде» — засучила быстро-быстро ногами.

Лупцевались они молча (всё-таки за стенкой гости!) и к тому же в полной темноте.

Татьяна метко наносила удары и с таким рвением, что протыкала острыми пятками простыню насквозь.

Маша ловко уворачивалась, но отвечала невпопад (неудобная позиция не давала возможности на точные ответные манёвры), пока окончательно не свалилась с кровати. Танька торжественно завизжала: победа была на её стороне! Отступление противника было принято ей как полная и безоговорочная капитуляция.

Поверженная Маша на цыпочках выскользнула за дверь (подальше от нервной Таньки). А счастливая Татьяна мгновенно захватила беспризорный парусник и сунула себе под подушку…

Гости уже спали. Только бабушкина двоюродная сестра баба Лиза ещё укладывала в стакан вставные челюсти и, не переставая, жаловалась на болезни. Мама слушала, молча кивала головой и устало протирала посуду. Маша дипломатично принялась ей помогать.

— Мама, можно я сегодня с тобой посплю… Ну, мамочка, можно?

Маша обняла маму так ласково и так нежно, что баба Лиза умилилась и растроганно сообщила, что, мол, не прочь поменяться с такой вот милой девочкой местами… А надо сказать, что по комплекции баба Лиза была сухонькая, невысокая. Ни дать ни взять — девочка-подросток.

Счастливая Маша не заставила себя долго упрашивать: быстро залезла под ватное одеяло с головой и, распластавшись во все стороны руками и ногами, блаженно засопела…

Баба Лиза ещё долго о чём-то говорила с Машиной мамой, жаловалась то на соседей, то на ломоту в спине, потом часто-часто зазевала, перекрестилась и пошла на покой…

Танька не спала. Окрылённая лёгкой победой, лежала она в состоянии томительного ожидания, полная надежд на продолжение. Маша же, как назло, всё не приходила и не приходила. Но вот наконец дверь многообещающе заскрипела и на пороге замаячила худенькая фигурка.

«Сестрица» долго ворочалась, устраиваясь поудобней. Танька, затаившись, терпеливо ждала, словно охотник в засаде момента для выстрела. Ну вот, наконец-то «сестра»

улеглась и затихла. Танькина нога ловко нащупала осязаемый объект и с наслаждением лягнула, заново затевая весёлую борьбу. Ответа не последовало. Ага, трусит! Танька лягнула ещё. Потом ещё. И, окрылённая полной безнаказанностью, послала уже целую серию ударов. Сделала паузу (что-то настораживало в поведении сестрицы). Поддала для проверки коленкой и опять сверху вниз. «Машка» отвечала, но мало и вяло. Она только недовольно ворочалась, ёрзала и всё отодвигалась и отодвигалась к краю. Струсила, струсила, сестрица. Ну, держись, сейчас ты у меня получишь! Танька победно развернулась спиной, уперлась что есть силы ногами в стенку и торжественно пихнула напоследок «сестрицу» в бок, вытесняя тело с кровати. И потом, уже засыпая и снижая активность, попинывала бессловесную «сестрёнку» лишь время от времени. Сон тяжелил веки и отнимал силы…

Утром, как всегда, Танька первая выползла из постели, нагло прошагала прямо по «Машкиным» ногам. И, облачившись в чьито драные тапки возле кровати, выбежала во двор. Настроение у Татьяны было преотличное. Да и выспалась она как никогда на славу.

Баба Лиза же, напротив, сидела за столом хмурая, неразговорчивая. То и дело кряхтела и поглаживала поясницу. Мама заметила это сразу.

— Как здоровьице, тётя Лиза? Хорошо ль спалось? — любезно поинтересовалась она, накладывая в её тарелку половником ушастые пельмени.

— Сто лет так не спалось, Наталья. Ну и веретено твоя младшенькая, ну и веретено! Ну и непоседа… Спит, да во сне брыкается! И вертится, и вертится, что помело! Я уж не знаю, как и угомонилась твоя егоза. Всю-то ноченьку без сна пролежала.

Баба Лиза потянулась за куском пирога и вдруг застонала, хватаясь за поясницу.

Мама всплеснула руками и как-то подозрительно посмотрела на Татьяну.

Танька сидела с правильным положением рук и с вытаращенными глазами. После сказанных бабой Лизой слов она сделалась красная-красная, словно рак. Пылая ушами, напряжённая, как струна, уставилась она в дно тарелки, как будто желала влезть туда целиком. Ну, здорово… Так это была не Машка! То-то она думала, чего это сестрица там так примолкла… Ну вот до чего подлая! Провела. И как провела!

Танька сердито посмотрела на Машу. Маша, раскачиваясь на стуле, хрустела зелёным яблоком и ехидно так улыбалась. Ну погоди же ты у меня! Ещё получишь…

Баба Лиза жалобно жевала пельмени, то и дело оглаживала морщинистой рукой поясницу. Охала и вздыхала.

После той злополучной ночи Татьяна надолго присмирела. Драться-то она, конечно, дралась, как и прежде. И визжала не меньше.

Но чтоб лягаться — ни-ни.

Маленькая просьба

Татьяна была «своим парнем». Мы с ней дружили вдвоём: я и Ваня. В тот день мы ждали её на футбольном поле…

Итак, по порядку.

…Заметив, что Маша вторглась в её владения, Таня сердито нахмурила брови. Сестра встала в позу и назидательно сообщила:

— Если ты быстренько вымоешь всю посуду, мы с мамой возьмём тебя в зоопарк.

— Мне, в общем-то, в зоопарк и не нужно! — уточнила Татьяна.

Наступило гробовое молчание, и Маша машинально стала разглядывать потолок и стены.

— Ну ладно, если хочешь, я тебе помогу, — неожиданно согласилась Таня. — А одна убирать не буду (она вспомнила, что Маша обещала ей свою бейсболку с крупной надписью «FIFA»).

И всё-таки идти в зоопарк не хотелось. Дело в том, что во дворе всю неделю шёл футбольный турнир. Десять команд без устали соревновались друг с другом. В финал вышли сильнейшие: команды второго и пятого микрорайонов. Сегодня футбольный матч. Ну а его Татьяна не променяет ни на один зоопарк на свете.

«Бессердечные эгоисты! — думала про Машу с мамой Татьяна. — Глупости одни в голове: слоны да лошадки! Чего в этом зоопарке она не видела: облезлого льва или ощипанного тигра?! И вот из-за этой ерунды пропустить такую игру? Да это равносильно катастрофе. Кто будет теперь стоять на воротах и принимать мячи? А кто принесёт команде воды? Молчите? Ну так молчите...»

И, выйдя из подъезда, Танька тут же в сердцах принялась облаивать толстую белую болонку. Собачонка испуганно заскулила и бросилась под скамью.

— Татьяна! Не дразни пса! — дёрнула за рукав мама.

— Да ну тебя! — отмахнулась Таня. — Ну что с ним может случиться? — И тут же незаметно наступила псу на хвост.

Тот скорчился от боли и громко взвыл. Из открытого окна тотчас выглянул хозяин собачки и яростно погрозил Татьяне кулаком.

— У какой противный! — скорчила «рожу» Танька и стала машинально пинать пустую консервную банку. Удар, ещё удар! Подсечка, аут…

И тут Маша с мамой вздрогнули от резкого визга автомобильных покрышек. Из салона выскочил водитель и, жутко ругаясь, принялся ощупывать резину на колёсах. Таня незаметно выдернула торчащую из покрышки расплющенную банку и спрятала её за спиной. Водитель озабоченно ощупал колёса, заглянул под капот, сел и уехал.

«Два-ноль!» — улыбнулась про себя Танька.

А Маша с мамой обменялись тревожными взглядами: не пора ли вернуться домой?!

— Правильно! — одобрила Таня. — Пошли вместе.

— Дети, — сказала мама. — У меня к вам только одна маленькая просьба: ведите себя пристойно.

Футбол отменялся. Убитая горем, Татьяна полезла в трамвай. И тут вдруг увидела

Ваню. Ваня стоял на передней площадке и держал в руках мяч. Таня принялась протискиваться вперёд.

— Привет, Ваня. Ты куда?

— К Серёге, за кроссовками.

— Мяч твой?

— Отец прислал из Москвы. Ну, как?

— Высший класс! То, что надо.

— Теперь матч непременно выиграем. Ты в игре?

— Ну, — замялась Татьяна. — Тут такое дело… В зоопарк поволокли.

— Да ты что? Мы ж без тебя продуем! Не Яшку ж Лохматого на ворота ставить! Он ведь вратарь дырявый: из трёх мячей три пропускает.

— Не дрейфь! — улыбнулась Танька и похлопала его по плечу. Что-нибудь придумаю.

Она быстро вернулась к Маше и маме, протиснулась к окну, высунула голову в открытую форточку и плюнула на проезжающую машину.

— С ума можно сойти! — простонала мама и дёрнула её за руку.

— Девочка, так нельзя! Веди себя прилично, — заворчали две строгие старушки.

— Фу, какие противные! — показала им язык Татьяна.

— Нет уж! — разозлилась мама. Мы от тебя отойдём. Пусть не думают, что ты с нами!

Маша и мама быстро перешли на заднюю площадку и отвернулись к окну. В общем, сделали вид, что Таню не знают. А Таньке только того и надо. Она завопила:

— Смотрите, смотрите. Вон там стоит моя любимая сестра Маша! А рядом с ней моя мама! Мама, мамочка, не бросай меня! Мама!!! — жалостливым голосом причитала Танька.

Все обернулись и посмотрели на маму и Машу, которые почему-то сильно покраснели. А Таня, польщённая вниманием публики, принялась изображать из себя юродивую, трясти головой и дёргать руками. Люди от смеха хватались за животы. А Танька, не

переставая, чесалась с головы до пят. В вагоне смеялись так, что дрожали оконные стёкла.

— С ума можно сойти — и это моя сестра! — простонала Маша. И ещё сильней покраснела. Она смотрела на Таню глазами полными ужаса. Мама же, напротив, побелела. А Таня продолжала прикалываться на всю катушку.

— Посмотрите! — заходилась Татьяна. — Вон там стоит моя любимая мама! А с мамой Маша! Самая любимая сестричка на свете! Машенька, Маша, обними же меня скорее…

Пассажиры хохотали до слёз, постепенно сползая с сидений на пол. Ещё бы! Ведь такого весёлого представления им ещё видеть не доводилось. Некоторые даже пропускали свою остановку, чтобы посмотреть, чем всё это закончится. И Таня старалась из всех сил.

Пришлось Маше с мамой срочно сойти.

— Извините нас, — бормотала, пробираясь сквозь толпу, мама. — Мы очень спешим.

Таня шла следом и улыбалась до ушей. Она даже не думала, что будет так просто. И, выходя, подмигнула Ване.

— Это невероятно, — повторяла, всплёскивая руками, мама. — Какое-то чудовище, а не ребёнок. Сегодня ты будешь наказана. Иди домой. А после зоопарка я приду и расскажу тебе всё, что я о тебе думаю!

И Тане сразу стало легко и спокойно. Не дожидаясь, когда Маша с мамой скроются за поворотом, она помчалась домой.

Матч завершился ничьей. Ещё бы, ведь против Таньки второй микрорайон выставил самого Борьку. А протереться между воротами и Борькой невозможно! Поэтому, когда дворник Степан назначил дополнительное пенальти, изменений в счёте не последовало. Так что день у Татьяны прошёл как нельзя лучше. Чего не скажешь о Маше.

Эвелина Цегельник

Пластмассовый козлик

Валя сидела в песочнице и лепила куличики, искоса поглядывая на Алёшу. В Алёшиных ладошках ярким малиновым пятном прыгал пластмассовый козлик. Козлик был совсем как настоящий. С забавными такими маленькими рожками. Вместо ножек у козлика было колечко. Большое, круглое, в которое

так удобно пролазила Алёшина ладошка. Козлик был такой чудесный. Просто замечательный.

Валя то и дело поднимала глаза и заворожённо глядела на пластмассовое чудо.

Валечка даже забыла про новый куличик. Отодвинула полное ведёрко в сторону и подползла к Алёше. Помолчала немножко, потом, всё же не вытерпев, осторожно потянула мальчика за рукав.

— Дай, пожалуйста, подержать козлика, Алёша…немножечко.

— Не дам! — Алёша отвернулся от девочки и быстро сунул козлика в карман.

— Ну ведь только на минуточку, пожалуйста… — прошептала Валя.

На глазах девочки заблестели прозрачные горошины слёз.

— Ну сказал же, не дам! — засопел Алёша и, шмыгнув носом, исчез в кустах.

Валя грустно вздохнула и вернулась в песочницу. Весь остаток дня она просидела в группе. Только вечером, когда бородатый папа увёл Алёшку с детской площадки домой, Валя опять залезла в песочницу.

Вдруг совок глухо звякнул о какой-то предмет. И изумлённая Валя вынула из песка козлика. Пластмассового. Малинового. Он был

такой необыкновенный. И совсем рядом. Её козлик. Только её.

Счастливая Валя не могла налюбоваться чудесной находкой. Она обнимала и прижимала козлика к щеке. Ездила на нём понарошку в гости. И кормила сочными спелыми одуванчиками.

Девочке не хотелось оставлять козлика в песке. Совсем одного. Ведь ночью так холодно и страшно. И козлик, как будто бы сам, весело запрыгнул в Валюшин кружевной карманчик, и отправился домой. К девочкиным маме и папе.

Весь вечер дома Валя играла с козликом. Купала в кукольной ванне и качала на руках. А на ночь уложила в старую мягкую варежку, около своей подушки.

В темноте девочке казалось, что козлёнок дышит и шевелится. Она гладила ладошкой варежку и пела колыбельную песенку.

Утром девочка долго стояла перед зеркалом и всё думала: брать или не брать козлика с собой? В детский сад. А вдруг Алёша не поверит, что козлик сам ходил к девочке в гости?

Валя ещё немножко подумала и спрятала козлика в ящик стола.

Придя в садик, она сразу увидела зарёванного Алёшу. Он сидел в песочнице и пинал

песок носком сандалии. По его лицу бежали длинные серебристые дорожки.

Весь день Алёша проходил вялый и угрюмый. А на следующий день козлик вдруг нашёлся. Сам. Он лежал на скамеечке около песочницы. Малиновый, блестящий. И мечтательно смотрел в небо…

Эвелина Цегельник

Жила-была лошадь

Жила-была лошадь. Рыжая. С жёлтой мохнатой гривой. Была это лошадь не просто лошадь, а лошадь-Гудок.

Конечно, было когда-то у неё и правильное имя. Не то Стряпуха, не то Пеструха, не то Рыжуха.

Но настоящее имя как-то забылось, затерялось на расхлябанных дорожках посёлка городского типа.

Служила лошадь при заводе. И должность у неё была. Курьерская.

Правил лошадью щуплый, заросший проволочной щетиной одноглазый дед, потерявший свой глаз ещё в ребячестве. Старик смирный. Иной раз и добрый. То мякиш хлеба на ладони своей шершавой придвинет, то морковку, а когда и яблочко, душистое такое, медовое.

Лошадь брала его деликатно в губы. Не хватала, как некоторые невоспитанные собаки, а задумчиво так, интеллигентно жевала, как будто размышляла.

Развозили они с дедом то служебную почту, то уголь, то дрова. А то и вовсе какие-то ржавые бочки, пахнущие сладковатым дурманным духом, от которого у лошади кружилась голова и текли слюни.

Своё новое прозвище лошадь получила за особую странность. Всякий раз, как только кончалась рабочая смена, зычно завывал в посёлке заводской гудок. Он был слышен отовсюду: и на железной дороге, и у бани, и у пивного ларька. Разнося трубную весть: «Домой!»

Этот гудок был сигналом к окончанию работы не только для людей, с ним соглашалась и лошадь. И, услышав гудок где-нибудь посреди своей нескончаемой трассы, лошадь вскидывала голову громогласным: «йиа-аа», разворачивалась и направлялась назад в стойло.

Никакие уговоры старика и даже пеньковый кнут не могли заставить строптивую кобылку изменить намерению и продолжить путь.

Лошадь целеустремлённо возвращалась домой, видно, также считая, что и её рабочий день на этом закончился.

Дед отчаянно ругал капризную лошадь и шёл рядом, проклиная свою старость и заводской гудок. Он даже написал бумагу большому начальнику завода, чтобы вовсе отменить гудок.

Но бумага, видно, где-то затерялась. А потому так и бредут по сей день по просёлочной дороге лошадь Гудок и её старый одноглазый хозяин, торопливо понукающий свою лошадь. Чтоб поспеть до срока. До заводского гудка.

Оформить книжку помогли:

Ангелина Будная

Очень веселая и улыбчивая. Любит рисовать. Сочинять песенки и петь их для мамы (пока не складные, но такие милые). Ангелиша сама придумывает разные танцевальные движения и с вдохновением танцует. С самого детства девочка путешествует с родителями, дедушкой и бабушкой на машине по разным уголкам страны. Самый любимый уголок земли — Карелия. До двух лет Ангелинка успела полетать на самолете, проехаться на воздушной подушке, комете, катере, лодке, снегоходе. И с каждым годом осваивает всё новые виды транспорта. А ещё наш весёлый «дельфинчик» очень любит купаться и плавать!

Но самое любимое занятие Ангелины — сочинять по картинкам сказки и рассказывать их маме. С удовольствием помогает маме по дому! Кроме того Ангелина занимается английским языком и ходит в Школу актёрского мастерства Михаила Сафронова.

Мирослава Малышкина

Настоящая кокетка. Добрая и честная! Смелая и всегда знает чего хочет! Живет в своём волшебном мире. Любит абсолютно всех животных, и каждый день просит маму поехать в питомник взять собачку или кошечку домой. Любит петь и танцевать. И очень любит всех родных целовать! Много путешествует и легко переносит любую дорогу, по воздуху, по земле

или по воде! Изучает английский язык! Занимается в Школе актёрского мастерства Михаила Сафронова. Часто бывает с мамой (певица Малина) на съёмках и за кулисами, пока мама на сцене! Знает почти все мамины песни наизусть.

Милан Малышкин

Любит всё изучать!!! Особенно разбирать-собирать машины. Очень хорошо поет. Сочиняет стихи! Из времён года и явлений природы больше всего любит снег и зиму. Так же любит скорость (занимается картингом и футболом). Добрый и улыбчивый! Всегда защищает своих сестренок и очень их любит. Если ненадолго расстаются, то очень по ним скучает. Много путешествует с мамой! Летал уже на вер-

толёте, самолёте. Ездил на воздушной подушке, снегоходе, катерах! Любит путешествовать на машине. Спокойно переносит длинную дорогу в машине по 15 часов! Изучает английский. Часто бывает за кулисами и в радио, и ТВ-студиях с мамой (певицей Малиной)! Занимается в Школе актёрского мастерства Михаила Сафронова.

Все трое деток — правнуки Генерала-майора Малиновского Ромуальда Филициановича — легендарного полководца Второй мировой войны. Малиновский Р.Ф. трижды был отмечен в приказах И. Сталина за особую отвагу и героизм, проявленные на полях сражений, и прошел всю войну. Ребятишки Ангел, Милан и Мира — достойные правнуки генерала и внуки подполковника.

Артём Малышкин
(Малышкин
Артем Леонидович)
Режиссёр и продюсер телевизионного эфирного маркетинга. Фотохудожник. Автор фотосессии в книгах «Лохматый Ветерок», «Улыбаясь уголками рта», «Чувство Родины» (Э.Цегельник).

Эвелина Цегельник
Писатель. Учёный. Эксперт. Член Международной Гильдии Писателей (МГП, Германия). Член союза писателей России. Заслуженный работник культуры. Лауреат Премии Союза писателей России за лучшее произведении для детей и юношества. Автор 15 книг.

Содержание

Гвоздь 6
Яблоки на крыше 18
Недоразумение 30
Дрессировщики 39
Кошелёк 59
Женька 74
Веретено 82
Маленькая просьба 94
Пластмассовый козлик 106
Жила-была лошадь 112
Об авторах книжки 118

Литературно-художественное издание
для детей младшего школьного возраста

Эвелина Цегельник
«Чувство Родины»
Рассказы для детей
elka.delfinn@mail.ru

Фотосессия — Артём Малышкин
Фотомодели — Ангелина Будная,
Мирослава и Милан Малышкины.

Дизайн обложки
Виталий Цветков

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии STELLA, Германия.
Подписано в печать 20.02.2017 г.

Обложка и переплёт –
Verlag «STELLA» Deutschland.
Bundesstr.52
72379 Hechingen
Deutschland
Tel. +49/07477 1521747
E-mail: artstellapro@gmail.com
lnbg@ya.ru
ISBN 9783957720924

